

ПОЛИГЕНЕТИЧНОСТЬ АЛЛЮЗИЙ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ А. БЛОКА

Марина Владимировна Субботина¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹*Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы,
тел.: +7 (473)-264-44-17, e-mail: subbo-igor@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности аллюзий в лирике А. Блока, формирующих полигенетическую интертекстуальность на формальном и смысловом уровнях текста. Дается подробный анализ разнообразных комбинаций интертекстуальных включений, который демонстрирует изобразительно-выразительный потенциал полигенетических аллюзий. Преобладание аллюзий, представляющих собой комбинацию отсылок к лермонтовским текстам, позволяет сделать вывод о том влиянии, которое оказало творчество великого поэта на формирование идиостиля А. Блока. Особый интерес представляют собой полигенетические аллюзии – отсылки к текстам нескольких авторов и к разным текстovým структурам, прежде всего – к произведениям изобразительного искусства, поскольку именно такие интертекстуальные референции демонстрируют степень включенности творчества А. Блока в контекст современной ему мировой культуры. Научная новизна исследования предопределена применением мотивного анализа, в основе которого лежит описание семантической структуры ключевых макрообразов и выявление аллюзивных составляющих, что способствует установлению межтекстовых связей с большой степенью вероятности.

Ключевые слова: интертекстуальность, прототекст, аллюзия, идиостиль, семантическая структура, семантическая составляющая.

Для цитирования: Субботина М. В. Полигенетичность аллюзий как характерная черта поэтических текстов А. Блока // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 218–221. DOI 10.47438/2309-7078_2020_4_218.

Введение

Поэзия Серебряного века при всем разнообразии школ, течений и направлений, сделавших этот период развития русской литературы поистине уникальным, характеризуется так называемым «цитатным мышлением», о чем в «Словаре культуры XIX века» подробно пишет И.И. Ильин, автор статьи «Интертекстуальность» [1, с. 220]. Использование известных сюжетов, характерных словесных образов, реминисценций и цитат становится одной из особенностей идиостиля многих ярких представителей русского модернизма начала XX века. Это наблюдение в полной мере относится к творчеству А. Блока.

Исследователи не раз обращали внимание на тот факт, что в его поэтическом наследии выделяется группа стихотворений, семантически связанная с так называемыми «знаковыми» текстами русской и мировой литературы, причем отношения семантической эквивалентности устанавливались по разным параметрам: композиции, звуковой и ритмико-синтаксической организации, а также системе образов.

Целью настоящей статьи является анализ конкретного воплощения полигенетической интертекстуальности в поэтических текстах А. Блока.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью интертекстуальной составляющей идиостиля А. Блока.

Результаты

Анализ интертекстуальных включений, выявленных в поэтических текстах А. Блока, позволяет во многом определить пути формирования и разви-

тия индивидуального стиля этого гениального поэта. Обращает на себя внимание прежде всего полигенетичность аллюзий, выполняющих текстообразующую роль. Интертекстуальность такого рода Н.В. Петрова предлагает называть полигенетической, рассматривая ее при этом как формообразующую и смыслопорождающую категорию [2]. Это наблюдение касается прежде всего отсылок к поэзии Лермонтова, с которой связан значительный фрагмент интертекстуального поля в метатексте блоковской лирики.

Так, с полным основанием к подобным центонным текстам можно отнести стихотворение «Весенний день прошел без дела...» (1909), с которым соотносится целый ряд лермонтовских лирических шедевров:

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.
Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.
Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно [3, с. 50].

Подчеркнутые «цитатные атомы» связывают текст Блока, по крайней мере, с тремя произведениями Лермонтова: «Сосед» («Навеки мы разлучены с тобой Стеной теперь...»; «Твои напевы раздаются», «... и звуки чередой, Как слезы, тихо льются, льются...»); «Соседка» («Разлучив, нас сдружила неволя, Познакомила общая доля, Породнило

желанье одно Да с двойною решеткой Окно...»; «Захоти лишь – отворится клетка, И, как божи птички, вдвоем Мы в широкое поле порхнем»; «И скучно и грустно» («И скучно и грустно, и некому руку подать...», «А годы проходят – все лучшие годы!», «Что страсти? – ведь рано иль поздно Их сладкий недуг Исчезнет при слове рассудка...»).

Анализ текста на композитном уровне позволяет проследить смысловое развертывание макрообраза «жизнь – обман» в лирике А. Блока. Уже в первой строфе возникают смыслы отсутствие света («У неумытого окна...»), скука («Скучала за стеной...»), неволя («Как птица пленная...»), отчужденность («Скучала за стеной...»).

Противопоставление *весенний день* (образ, вызывающий в воспринимающем сознании определенный сценарий: свет, солнце, радость, буйство красок) – *отсутствие света, скука, отчужденность, неволя* содержит ярко выраженный семантический контраст, передающий разлад героя с миром; в третьей строфе названные смыслы (отсутствие света, скука) повторяются: «Но будет скучно и темно...», здесь же намечен словесный образ «жизнь – замкнутый круг» («Еще вернутся мысли, споры...»).

Макрообраз «жизнь – обман» поддерживается символическим образом догоревшего дня («День догорел в душе давно...»), который ассоциативно связан с традиционным символом *сгоревшая жизнь* (вспомним потухший факел в руках гения смерти на надгробиях XVIII-XIX в. в.). Риторический вопрос: «К чему спускаться на окнах шторы?» тоже можно считать конструкцией, вводящей интертекстуальную отсылку, так как в состав этой стилистической фигуры входит ссылка на лермонтовский прототекст, и именно цепочка риторических вопросов определяет развитие текста «И скучно и грустно...». Своеобразным индикатором смысла становится

строка, предшествующая словесному символу *догоревший день*, – «жизнь прошумела и ушла».

Наконец, первичный звукообразизм завершающей строки, вызывающей в воображении звон похоронного колокола или стук комьев застывшей земли о крышку гроба, напоминает слова Белинского о «похоронной песне», сказанные по поводу лермонтовского стихотворения.

Чрезвычайно интересной, дающей глубокое представление о связи лирики Блока с поэзией «золотого» века, является и комбинация отсылок к текстам разных авторов. Например, не вызывает сомнения аллюзивная природа раннего блоковского стихотворения «Какой-то вышний серафим...» (1899), где в свернутом виде воспроизводится вся сюжетная ситуация пушкинского «Пророка»:

I. Какой-то вышний серафим

Принес мне чудных звуков море.

II. И этим мне познать давал,

Что в мире зло и что прекрасно [4, с. 332].

«Пророка», принадлежащего перу М.Ю. Лермонтова:

I. Когда я был везде гоним...

II. Годов умчалась череда, –

Повсюду мертвая пустыня... [4, с. 332].

Выделенные нами знаки – эпизоды сюжета – позволяют восстановить сюжет прототекстов в целом, а сходство планов выражения предопределяет и сходство планов содержания, как следствие – происходит (в силу полигенетичного характера аллюзии) контаминация смыслов: образ поэта-пророка у Блока включает в себя сложную символику познания, избранности, страдания и расплаты за божественный дар.

При этом воспроизведение метра, ритма и строфики «чужих» текстов вызывает в воспринимающем сознании необходимые ассоциации.

Пушкин	Лермонтов	Блок
Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я влачился, И шестикрылый серафим На перепутье мне явился. [5, с. 86]	С тех пор как вечный судия Мне дал всеведенье пророка, В очах людей читаю я Страницы злости и порока. [3, с. 87]	Какой-то вышний серафим Принес мне чудных звуков море. Когда я стал везде гоним. – Я шел к нему – поведать горе. [4, с. 332]

Отголоски двух «Пророков» можно найти и в ряде других стихотворений А. Блока («Отчего я задумчив хожу...», «Луна проснулась. Город шумный...», «Они звучат, они ликуют...», «Хожу по камням старых плит...» и др.). Семантическое поле «человечество» образуется на основе лексико-семантических групп «звучание» («там все звенит...», «толпа кричит...», «они звучат, они ликуют...»); «душевное состояние» («ликует, торжествуют»); «разрушительное действие» (свергает, ломают, погасят, гоним).

Семантическое поле образа «поэт-пророк» представлено словами с антонимичной семантикой: поэт стремится к одиночеству и тишине («Здесь все так тихо...»; «Но вянет сердцу был язык, Неслышный уху...»), к покою и созиданию («Одинокому дорог покой...», «Все, духом сильные, – одни Толпой нестройной убегают, Одни на холмах жгут огни, Завесы мрака разрывают»); поэт несчастлив и разочарован в жизни («Стою у власти, душой одинок...», «Душа опять полна терзаний...», «В моей душе любви весна Не сменит бурного ненастья...», «Я стар душой. Какой-то жребий черный – Мой долгий путь...», «Когда несчастному поэту Откроешь двери в новый храм...»).

Наконец, поэт осознает себя Избранником, отсюда – высокая самооценка («Но все вперед влечет

какой-то свет, И будто им могу светиться!»; «И рок велит в себе беречь И дар незыблемый поэта...»; «Кто ощутит хоть в крайний миг Мой бесконечный в тайном лоне, Мой гармонический язык», «Стою у власти, душой одинок, Владыка земной красоты» и т.д.).

На пересечении этих двух семантических полей возникает значение «отчужденность от толпы», близкое к лермонтовскому «безответному пророчеству».

Особый интерес, несомненно, представляют собой полигенетичные аллюзии – отсылки к разным текстовым структурам, включая произведения изобразительного искусства (основанием для выделения аллюзий такого рода стала известная формула Ж. Деррида: «Внетекстовой реальности вообще не существует») [6, с. 313].

Романтический образ Демона-богоборца, поставившего под сомнение все общечеловеческие ценности, оказался чрезвычайно притягательным для многих поэтов Серебряного века, но особенно интересным, на наш взгляд, стало воплощение демонического мотива в лирике А. Блока, прежде всего, в его «Демоне» 1910 года.

Средствами отсылки к одноименной поэме Лермонтова становится не только само название стихотворения, порождающее в читательском сознании

прогнозируемые фреймы, но и характерные словесные образы: «песня зурны», «горы», «далекий аул», «ненужные складки чадры», «пляска», «жених», «чеченская пуля», – пунктирно очерчивающие сюжет поэмы, выделял его кульминационные моменты.

Нельзя не упомянуть и сам принцип построения стихотворения – «сон о сне» – это типично лермонтовский прием (чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить его стихотворение «Сон» 1841 г.): в сознании лирического субъекта возникает пляска Тамары, а затем – картины прошлого (в частности, гибель жениха прекрасной княжны).

Сопоставительный анализ двух текстов показывает, что в семантической структуре блоковского Демона присутствуют те же составляющие, что и в семантической структуре Демона Лермонтова: разочарованность, отверженность, одиночество, – сформированные соответственно в лермонтовской поэме семантическим полями макрообразов: «любовь», «безответный мир», символов пустыня и путь, а также словесного образа – интерферента – изгнанник с акцентированными значениями трагичности, обреченности и бесконечности. В стихотворении Блока они получают словесную репрезентацию как в заголовке, так и в словах – образах семантических полей: «сон» и «любовь» (см. работу М.В. Субботиной) [7].

Но сложность семантической структуры блоковского макрообраза обусловлена не в последнюю очередь тем обстоятельством, что между Демоном Блока и Демоном Лермонтова имеется некая «промежуточная ступень» – монументальное полотно М. Врубеля «Демон поверженный». Д. Максимов прямо называет Демона Блока лермонтовско-врубелевским [8, с. 224], а Б. Гаспаров считает, что в «Демоне» врубелевские полотна выступают в качестве медиатора, через посредство которого оба текста включились в композицию единого целого самым естественным образом [9, с. 168]. Сам Врубель наиболее верным считал отзыв М. Судковского, писавшего, что «Демон» – не злой дух, а радужно-крылатый гений человечества, поверженный серостью обывательской жизни, но поверженный на горах, униженный – он остается могуч и верен своим чудным до ослепления мечтам» [10, с. 192].

По философской глубине, масштабности идеи и оригинальности ее воплощения образ врубелевского Демона конгениален созданию великого русского романтика XIX века. Блок видел в «Демоне поверженном» символическое отображение судьбы русского интеллигента в современном ему «страшном мире». В своей прощальной речи поэт сказал: «Врубель пришел с лицом безумным, но блаженным. Он – вестник; весть его о том, что в сине-лиловую мировую ночь вкраплено золото древнего вечера. Демон его и Демон Лермонтова – символы наших времен: ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет». [4, с. 340].

В стихотворении Блока «Демон» (1910) отсылка к врубелевскому полотну осуществляется двояко: цветоименования-символы, характерные для цветовой палитры Врубеля («дымно-лиловые горы»,

«горный закатный пожар», «разливы синеющих крыл»), создают романтический пейзаж и служат для воплощения живописно-образного символа чувств: сумрачная и тревожная «врубелевская гамма» – интенсивность алого, фиолетово-синия с золотом – в стихотворении Блока воспроизводит эмоционально-психологическое состояние лирического субъекта, извечную борьбу мрака и света в человеческой душе.

Словесные образы, рисующие внешний образ поверженного Демона, удивительно точно передают зрительские впечатления от полотна: «усталые губы и взоры И плети изломанных рук», «... в разливах синеющих крыл...» Акцентированные семы бессилия, опустошенности, смирения становятся определяющими в семантике блоковского макрообраза, с чем и связано принципиальное отличие его семантической структуры от семантической структуры лермонтовской мифологемы.

Думается, что такая трансформация мифологемы объясняется прежде всего особенностями исторического отрезка, в который жил и творил каждый из этих двух величайших поэтов. Эпоха Лермонтова – время разочарования, анализа, скепсиса и тоски по активному действию, а 1910 год связывают с кризисом символизма и переоценкой ценностей в русской культуре; именно с этим временем соотносится общее знаковое понятие «страшный мир».

Выводы

Анализ интертекстуальных включений в поэтических текстах А. Блока убедительно свидетельствует о том, что аллюзии, представляющие собой комплекс отсылок к прецедентным текстам разного рода, являются характерной чертой идиостиля этого выдающегося представителя русского символизма.

Наиболее частотным при этом представляется включение в метатекст интертекстуальных знаков, сигнализирующих об отсылке к прототекстам, авторство которых принадлежит М.Ю. Лермонтову, чье творчество оказало сильнейшее воздействие на формирование поэтической системы А. Блока. При этом диалог основан, как правило, на невольной перекличке идей, приемов, словесных образов.

Комбинация отсылок к произведениям разных авторов сознательно строится Блоком как реплика на тексты гениальных предшественников – поэтов «золотого века» русской литературы.

Особый интерес представляет собой одновременная отсылка к разным текстovým структурам, в том числе к произведениям изобразительного искусства.

Таким образом, анализ полигенетичных аллюзий позволяет проследить особенности формирования идиостиля А. Блока, его связь с романтической традицией XIX века, а также показать включенность творчества гениального поэта в сложный контекст современной ему культуры.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Руднев В. П. Словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 1999. 384 с.
2. Петрова Н. В. Полигенетическая интертекстуальность // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2014. № 2 (21). С. 119–122.
3. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 4 т. М.-Л. : Гослитиздат, 1948. Т. 1, 3.
4. Блок А. А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Правда, 1971. Т. 1, 3, 5.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Правда, 1981. Т. 2.

6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 511 с.
7. Субботина М. В. Символические образы в лирике М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока : сопоставительный анализ : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1989. 217 с.
8. Максимов Д. Е. Русские поэты начала века. Л. : Советский писатель. Ленинградское отд-ние, 1986. 404 с.
9. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 267 с.
10. Суздаев П. К. Врубель и Лермонтов. М. : Изобразительное искусство, 1980. 237 с.

References

1. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka : Kluchevye ponyatiya i teksty* [20th Century Dictionary of Culture: Key Concepts and Texts]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 384 p.
2. Petrova N.V. *Polygeneticheskaya intertextual'nost'* [Polygenetic intertextuality]. Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Yazykoznanie, 2014, no. 2 (21), pp. 119–122.
3. Lermontov M. Yu. *Polnoe sobranie sochinenii : v 4 t.* [Complete works: in 4 vol.]. Moscow-Leningrad, Goslitizdat publ., 1948. Vol. 1, 3.
4. Blok A.A. *Sobranie sochinenii : v 6 t.* [Collected works : in 6 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1971. Vol. 1, 3, 5.
5. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenii : v 10 t.* [Collected works : in 6 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1981. Vol. 2.
6. Derrida J. *O grammatologii* [About grammatology]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 511 p.
7. Subbotina M.V. *Simvolicheskie obrazy v lirike M. Yu. Lermontova i A. A. Bloka : sopostavitel'nyi analiz.* Diss. kand. philol. nauk. [Symbolic images in the lyrics of M. Yu. Lermontov and A. A. Blok: comparative analysis. Cand. ped. sci. diss.]. Voronezh, 1989. 217 p.
8. Maximov D.E. *Russkie poety nachala veka* [Russian poets of the beginning of the century]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie Publ., 1986. 404 p.
9. Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo syshestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 267 p.
10. Suzdalev P.K. *Vrubel i Lermontov* [Vrubel and Lermontov]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1980. 237 p.

Поступила в редакцию 20.10.2020
Подписана в печать 07.12.2020

**POLYGENETIC ALLUSIONS AS A CHARACTERISTIC FEATURE
OF A. BLOK'S POETIC TEXTS**

Marina V. Subbotina¹

*Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia*

---

¹*Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Russian Language,
Modern Russian and Foreign Literature,
e-mail: subbo-igor@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the features of allusions in A. Blok's lyrics that form polygenetic intertextuality at the formal and semantic levels of the text. A detailed analysis of various combinations of intertextual inclusions is given, which demonstrates the visual and expressive potential of polygenetic allusions. The predominance of allusions, which are a combination of references to Lermontov's texts, allows us to conclude about the influence that the great poet's work had on the formation of the idiostyle of A. Blok. Of particular interest are polygenetic allusions – references to the texts of several authors and to different text structures, primarily to works of fine art, since such intertextual references demonstrate the degree of involvement of A. Blok's work in the context of contemporary world culture. The scientific novelty of the research is predetermined by the use of motivic analysis, which is based on the description of the semantic structure of key macro images and the identification of allusive components, which contributes to the establishment of intertextual connections with a high degree of probability.

Key words: intertextuality, prototext, allusion, idiostyle, semantic structure, semantic component.

Cite as: Subbotina M.V. Polygenetic allusions as a characteristic feature of A. Blok's poetic texts. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2020, no. 4, pp. 218–221. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2020_4_218.

Received 20.10.2020
Accepted 07.12.2020